БЕССМЕРТНА ПТИЦА

В одной землице, далеко от столицы, жили-были девицы, обликом жар-птицы: златы перья, белые лица, фигуры точёные, речи учёные.

Высоко те птицы летали, на землю редко ступали. Жили те птицы вольно, добра у них было довольно — полны сундуки да карманы. Каждому охотнику были они желанны — всякому могли показаться, да не всякому в руки даться.

Отдыхали те птицы на далеком острове — чистили свои златы перья, чистили клювы острые. Пели песни протяжные, в море мыли ноженьки нежные — в общем, жизнью жили прекрасною, безмятежною.

Но однажды задержала птиц на острове буря — ветры дули, деревья гнули, волны вокруг острова бушевали, ни одной улететь не дали. А как только утихло всё и отлязгало, видят птицы, прибило к берегу лодку рыбацкую. И старик, измученный поединком с бурею, на камнях сидит, о починке думает.

И решили птицы: унесём тебя, старче, с острова, коли дашь ответ на один вопрос ты нам. И краса у нас, и богато прелести, а чего для счастия нам хотелось бы? И поём, и летаем, пока безветрие.

Отвечал старик:

— Нет у вас бессмертия.

— Красота безупречна должна быть вечна. А скажи, старик, как оно даётся?

— Птицам-то? Чрез гнездо, что вьётся.

— Что за вечну жизнь будет с нас испрошено? Ой, видать, возьмут самое хорошее!

— Ваша правда, взамен предстоят лишения. Но скажу вам, девушки, в утешение: будут то не потери горестны, а всего лишь крылья сложить узористы: пока будут птенчики оперяться, мать не сможет сама в воздусех подняться.

— Фу! — вскричали птицы. — Обмен неровен! Выгоды не видать, а урон огромен! Чтоб из нас наседкой какая стало? Да еще такого и не бывало!

И вспорхнули в гневе, и взмыли спешно.

Но одна на острове-то замешкалась. И спросить решила, как жизнь продлится, если гнездоваться будет, семьей селиться?

— У тебя-то сердце одно, полюбезна птаха, а птенец родится — второе махом. А второй родится — и третье. Кто ж с тремя сердцами боится смерти? Всяк стареет, и сердце его состарится, потому и важно, что после нас останется. Не узоры перьев, не очи матовы — по обличью сына и вспомнится образ матери. Вот в чем вижу я жизнь-то вечную, а не эту вашу красу безупречную.

Так сказал старик и отчалил с берега. Птица задержалась там до поры до времени. Завила гнездо, вывела орлёночка, выпестовала своего ребёночка. И вернулись крылья к ней, как не исчезали, и подняли крылья, как раньше не поднимали, и опять летает птица та в воздусех, а ее орёлик-то выше всех.

ВСЕМ ПТЕНЦАМ МАТЕРЬ

Птица, что была перекатной пташкой, родила-то орла, не каку букашку. Не комарика — молодого орлика! Вы её увидите, да никак не вспомните. Суетливу жизнь, оперенье броско скинула она, ну как мы — обноски. Материнство птице — жива водица: и курёху перекует в орлицу. И крыло размашистей, и полёт уверенней, и еще не видели того зверя мы, что орлиной тени не убоялся, кто на орлика бы её поднялся. А теперь он где-то, вдали от мати, только ветер может его поймати. Пусть не видит матушка его перьица, сердцем чувствует и не сердится.

Вот однажды летит орлиха — все спокойно в небе, повсюду тихо. Хорошо летается, вольно дышится. Только слабый писк её уху слышится —

будто бы орёлик, когда был крошечкой. И от писка этого ей по сердцу дрожечки.

Пригляделась — птенчики, над головками светлым пухом венчики. Желторотые, бестолочие, а гнездо разорено-разворочено, а земля под ним перьём выстлана. Знать, родителям была гибель быстрая — может, кунья, а может, лисья.

Как не взять сирот под своё крылышко? Может, кто с добром и к её сынушке.

Собралось вокруг нее племя соечье да сорочее, до пустой трескотни больше всех охочее. Стали они орлиху отваживать, из чужого гнезда выпроваживать.

— Ты-то вон какая, они-то косеньки, не орлиные у них носики, не орлиный будет у них характер, не похожи будут они на матерь.

— Что тебе за боль? Что тебе за крест? Ну, придет лиса, да и их доест. Тут у нас не небо, а темный лес, и законы наши что бурелом — слабый вымрет, и поделом.

— Да тебе, видать, будет с них нажива. Что-то ты добра да, похоже, лжива. Чтобы не зачахли, их подрастишь, да потом сама же их и схарчишь.

— Да не будет в сердце твоей любови — не родной тебе эти слётки крови. Поиграешь ими — котейка с мышью, надоест — обратно в чащобы вышлешь. Улетишь, и с лешим тебя не сыщешь.

Говорит орлиха в премногой злости:

— Прочь летите, гости, — праздны, незваны, никакого нет в тех птенцах изъяна. Что с того, что они не орлиной стати? Не позволю я их лисе достати. Кабы вашего сорочонка трепала куница косточки, кабы ваших соек жевала в гнёздочках, вы бы и тогда тут трещали попусту да меня обвиняли в корысти? Разве ж мать какая — не всем птенцам матушка, не подымет разве другое чадушко?

Улетели сойки пристыжены, не пришла к гнезду лиса рыжая, не пришла куница — лихая бестия. И живут орлиха с птенцами вместе. И повадки их-то к орлам поближе, хоть и крылья уже, и ростом ниже.

БОЛЬШУХА

Старики в одном птичьем роде объявили, что надо собраться сходу. Полетела весть по земле, стукнулась об воду, долетела до небосвода.

— Собирайтесь, — просят отец и мать, — будете новых старших вам выбирать. Нас уж скоро старость совсем догложет, большаками вашими быть не можем.

Прилетели отовсюду сыны да дочери — днем летели иные, другие ночью. Добрались все — дети и внучата, собрались в родовом гнезде — перепуганы, как галчата. Старшие, хоть и сами рослые, а ведь были еще перед ними взрослые. Между ними и смертью стоят большаки частоколом прочным, а теперь никого не будет — ни деревца, ни кусточка. Пока живы мать с отцом — будешь сын и дочка. Как уйдут с концом — так один в чистом небе точка.

— Нет, не точка, — отец говорит, пока не истаял, — нас не станет, но вы-то держитесь стаей. Велика на ваше родство надежда. Чтоб, случись чего, оказался каждый своими между.

— Нет, не точка, — мать говорит удручённым чадам, — не могу я бросить вас без догляда. Старшей дочери быть среди вас большухой, сыну — большаком, раз уж мы пожухли. Почитайте их как отца и мать, раз уж мы не можем больше вас обнимать, усмирять буянов, судить по совести. Главными только так становятся — через горести.

Мать выводит за руку скорую большуху, говорит, пока ей хватает духу:

— Родилась ты первая и болезная, уж не ждали, что вырастешь всем полезная. Думали, будет дочь — оторви да выбрось, ну а ты возьми-ка и выпрямись. И дороги твоей не найти прямее, я и то не пройду ровнее. Младшим будь моим материнским оком, а уж я за них заступлюсь пред богом.

Отошли родители, но не умерли. Их сердца наследуют дети умные, дети добрые, справны внучики — в небе синем пташечки, золотые лучики.

Рисунок Александра Карпова